

A romantic couple in a restaurant. The man, with dark hair and a beard, wears a white shirt and a watch, embracing the woman. The woman has long dark hair, red lipstick, and wears a red dress and large earrings. They are in a dimly lit restaurant with candles and wine glasses on the table.

Шарлотта
Эйзинбург

НЕУДОБНАЯ ЖЕНЩИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Шарлотта Эйзинбург
Неудобная женщина

«Автор»

2026

Эйзинбург Ш. Л.

Неудобная женщина / Ш. Л. Эйзинбург — «Автор», 2026

Он предал меня после 20 лет брака, променяв на молодую любовницу. Он думал, я сломаюсь, буду плакать и просить подачки. Вместо этого я заключила союз с его главным конкурентом. Теперь я не жертва. Я — хищник. Мы уничтожим его бизнес, отберем каждый актив и заставим заплатить за каждую слезинку. Это история не о разбитом сердце. Это история о том, как королева возвращает себе трон. И горе тем, кто встанет у неё на пути.

© Эйзинбург Ш. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Шарлотта Эйзинбург

Неудобная женщина

Глава 1

Если в сорок пять лет ты думаешь, что жизнь только начинается, значит, ты либо только что развелась, либо наконец-то выплатила ипотеку. У Анастасии не было ни того, ни другого. У неё был муж Игорь, двое взрослых детей и «счастливая семейная жизнь», которая оказалась такой же фальшивой, как улыбка администратора в дешевом салоне красоты.

Настя сидела в дальнем углу кофейни «Лаборатория вкуса» — флагманской точки в «империи» её мужа. На носу темные очки в пол-лица, на голове — платок, повязанный а-ля «я богатая вдова инкогнито», а перед ней — чашка остывшего капучино.

Пенка осела, обнажив серую, безрадостную жижу.

— М-да, Игорек, — пробормотала Настя себе под нос, делая глоток и тут же морщась. — Зерно пережарено, молоко дешевое. Экономишь? Или твоя новая бариста умеет работать только одним местом, и это не руки?

Она пришла сюда не просто так. Женская интуиция — сволочь надежная, она работает лучше, чем швейцарские часы, и обычно включается ровно за пять минут до того, как твой мир рухнет. Последние полгода Игорь пах не своим привычным одеколоном и даже не потом (хотя и это бывало, возраст всё-таки, тестостерон уже не тот, а амбиций — вагон), а чем-то приторно-сладким. Ванилью, дешевыми духами и... обманом.

Колокольчик на двери звякнул. В кофейню вплыл Он. Игорь.

Настя хмыкнула. Её законный супруг, с которым они двадцать два года делили одну кровать, бюджет и несварение желудка, выглядел как классический пример кризиса среднего возраста. Узкие джинсы, которые безжалостно пережимали его «авторитетный» животик, модная футболка белого цвета, и — вишенка на торте — белые мокасины.

— Господи, — прошептала Настя, поправляя очки. — Ты бы еще самокат взял, мачо комнатный.

Игорь прошел мимо её столика, не заметив. Разумеется. Для него Настя давно стала частью интерьера, чем-то вроде удобного дивана: старого, привычного, на котором можно лежать в трениках, но который стыдно показать гостям.

Он направился напрямик к барной стойке. Там, сверкая улыбкой и декольте, в которое можно было спрятать небольшую дыню, стояла Вика. Администратор. Двадцать два года, ресницы, которыми можно создавать сквозняк, и интеллект хлебного мякиша.

— Игорёк! — взвизгнула девица, даже не пытаясь соблюдать субординацию.

«Игорёк». Настя почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от ревности, нет. От брезгливости. Это как узнать, что твой муж, который дома требует диетические котлетки на пару из-за гастрита, на стороне жрет шаурму с майонезом на вокзале.

Игорь по-хозяйски положил руку ей на талию, спуская ладонь чуть ниже, на бедро, обтянутое форменной юбкой.

— Тише, котенок, — его голос, тот самый, которым он вчера вечером говорил Насте «передай соль», теперь сочился патокой. — Народу много.

Они отошли в сторону, к служебному помещению, но дверь осталась приоткрытой. Настя, превратившись в слух, аккуратно сняла очки. Её профессиональный навык «слышать то, что скрыто», который она похоронила пятнадцать лет назад ради роли примерной жены, включился на полную мощность.

— Когда ты ей скажешь? — капризно заныла Вика. — Я устала ждать! Ты обещал, что мы поедem в Таиланд уже вдвоем. Я не хочу прятаться, Игорь! Я хочу выкладывать сториз!

— Вик, ну не гони лошадей, — Игорь звучал раздраженно, как человек, которого заставляют платить налоги. — Ты же знаешь ситуацию. На этой старой перечнице все активы. Квартира, дача, даже помещение под эту кофейню — всё на ней. Юрист сказал, нужно время, чтобы вывести деньги. Я сейчас переоформляю поставки на твоё ИП, как мы договаривались.

«Старая перечница».

Слова упали в чашку с кофе тяжелыми булыжниками. Настя замерла. Внутри что-то обвалилось. Не сердце, нет. Лопнула та самая ниточка терпения, на которой держался этот брак последние годы.

— Она такая душная, — продолжал жаловаться муж, почесывая лысеющий затылок. — «Игорь, выпей таблетки», «Игорь, не ешь жирное». Как мамка, честное слово. А мне, может, огня хочется!

— Огня ему хочется, — процедила Настя. — Изжога тебя замучает от твоего огня, герой-любовник.

— А дети? — спросила Вика. — Они точно не будут против?

Настя напряглась. Вот оно. Самое страшное.

— Да брось, — отмахнулся Игорь. — Максимум я тачку пообещал обновить, он вообще за любой кипиш, лишь бы бабки давали. А Оля... Оля сказала: «Пап, если ты счастлив, то ок, главное, чтобы мама не истерила и мозг не выносила». Они нормальные, современные ребята. Понимают, что папе нужно вдохновение, а не нафталин.

Воздух в кофейне внезапно закончился.

Нафталин. Она — нафталин. А дети... её дети, которым она вытирала носы, оплачивала репетиторов, которых выхаживала в болезнях, пока папа «строил бизнес» (читай — бухал в бане с партнерами), — они просто продали её. За тачку. За «не выноси мозг».

Настя медленно выдохнула. Боль, острая и горячая, ударила под ребра, но тут же отступила, сменившись ледяным холодом. Тем самым холодом, который когда-то делал её лучшим антикризисным управляющим в городе.

Она вспомнила, как в молодости Игорь пришел к ней, побитой собакой, с долгами и идеей «кофейного ларька». Кто писал бизнес-план? Настя. Кто договаривался с бандитами и пожарными? Настя. Кто придумывал меню и обучал персонал, пока Игорь играл в «директора»?

Она сама создала этого Франкенштейна, надела на него корону, а теперь он решил, что королева ему больше не нужна.

— Ну иди ко мне, мой тигр, — промурлыкала Вика, и послышался звук поцелуя — влажный, чавкающий, отвратительный.

Настя встала. Медленно, с достоинством императрицы, которую ведут на эшафот, но которая знает, что топор тупой, а палач — пьян. Она достала из сумочки купюру, бросила на стол.

«Ужин со вкусом предательства я уже ела, — подумала она, поправляя платок. — Теперь у меня кофе с привкусом пепла. Ну ничего, Игорёк. Пепел — это хорошее удобрение. На нем такие цветы вырастают... хищные».

Она вышла из кофейни, не хлопнув дверью. Сильные женщины не хлопают дверьми. Они тихо меняют замки.

Её телефон пиликнул. Сообщение от дочери: «Мам, перекинь 5 тысяч, на маникюр не хватает. И не начинай про экономию, плиз».

Настя посмотрела на экран. Уголок губ дернулся в усмешке, от которой у Игоря, увидев он её сейчас, случился бы тот самый инфаркт, которого он так боялся.

— Маникюр, значит, — прошептала она, набирая ответ. — Будет тебе маникюр, доченька. И педикюр. И полная эпиляция зоны комфорта.

Она нажала «Блокировать карту».
Шоу начинается.

Глава 2

Домой Настя вернулась с полными пакетами продуктов. Привычка — вторая натура, а у неё эта натура была выдрессирована годами. «Хорошая жена» не истерит, «хорошая жена» обеспечивает тыл и уют. Даже если этот тыл уже давно стал проходным двором, а уют напоминает декорации к плохому спектаклю.

На кухне она двигалась на автомате. Нож стучал по доске ритмично, как метроном: тук-тук-тук. Пре-да-тель.

Она готовила любимые котлеты Игоря. Смешно. Раньше она вкладывала в готовку душу, выбирала мясо на рынке, торговалась с мясником за лучший кусок. Сегодня она купила фарш в супермаркете по акции. Какая разница? Свинья всё слопает.

Входная дверь хлопнула.

— Мать! Ты дома? — раздался голос сына. Максиму было двадцать один, но «мать» он включал только тогда, когда ему что-то было нужно. В остальное время она была просто фоновым шумом в квартире.

Настя вытерла руки о полотенце. В прихожую вывалилось всё семейство: Игорь, сияющий как начищенный самовар (видимо, Вика хорошо «сняла стресс»), Максим, уткнувшийся в телефон, и Оля, чье лицо выражало вселенскую скорбь оскорбленной невинности.

— Настя, — Игорь потянул носом воздух. — М-м-м, котлетки? Умница. А я голодный как волк!

Он подошел к ней, намереваясь чмокнуть в щеку. Настю передернуло. От него пахло смесью дорогого табака (который он курил только «по особым случаям») и чужой, сладкой пудрой. Она ловко увернулась, якобы поправляя прическу, и губы мужа смазали воздух у её виска.

— Руки мой, — бросила она сухо. — И детей зови.

Ужин начался в тишине, которую нарушало только чавканье Игоря. Он ел жадно, быстро, роняя крошки на скатерть. Настя смотрела на него и думала: «И как я двадцать лет делила с этим чавкающим организмом постель? Неужели я была настолько слепа? Или просто настолько занята, вытирая ему сопли и подтягивая штаны?»

— Мам, — Оля первой нарушила молчание. Она ковыряла вилкой в тарелке с таким видом, будто там лежали не котлеты, а радиоактивные отходы. — Что с картой?

Настя медленно подняла взгляд.

— А что с картой?

— Она не работает! — взвизгнула дочь. — Я стояла на кассе в салоне, как дура! Пришлось звонить папе! Это унижительно!

Игорь, набивший рот картошкой, важно кивнул:

— Да, Настюш, ты разберись там. Я Оле перекинул, конечно на другую карту, но что за сбой? Банк глючит?

— Наверное, глючит, — спокойно согласилась Настя, отпивая воду. — Или лимит исчерпан. Ты же знаешь, Оля, деньги не растут на деревьях.

— Ой, началось, — закатила глаза дочь. — Опять лекции по экономике. Пап, скажи ей! Мы же не бедные! Ты же сам сказал, что у нас этот квартал — «пушка»!

— Пушка, пушка, — прошамкал Игорь, подмигивая дочери. — Доча, не парься. Мать просто устала. Возраст, гормоны... Сама понимаешь.

Максим оторвался от телефона:

— Пап, кстати, по поводу «пушки». Мне тут кредит надо закрыть. Ну, помнишь, я брал на тот крипто-стартап? Там проценты капают... Тридцать тыщ всего.

— Тридцать тысяч? — Настя положила вилку. Звук металла о фарфор прозвучал как выстрел. — Максим, ты месяц назад просил пятьдесят. Где твой стартап?

— Мам, ты не шаришь, — отмахнулся сын, даже не глядя на неё. — Это инвестиции. Пап, закроешь?

— Закрою, сынок, закрою, — благодушно махнул рукой Игорь. — Мужчины должны поддерживать друг друга, да? Не то что эти бабы, вечно всё усложняют.

Он рассмеялся своей шутке. Дети подхихикнули.

Настя смотрела на них. Три человека, роднее которых у неё не должно быть никого на свете. Она помнила, как ночами сидела у кровати Максима, когда у него резались зубы. Как учила Олю рисовать стрелки, когда ту дразнили в школе. Как вытаскивала Игоря из депрессии, когда его первый бизнес прогорел в ноль.

Они сидели перед ней, сытые, одетые в бренды, купленные на её деньги (потому что Игорь всегда «вкладывал в оборот», а семью тянула «подушка безопасности» Насти). И они презирали её.

— Кстати, — Игорь откинулся на спинку стула, похлопывая себя по животу. — Мы тут подумали... Летом надо отдохнуть нормально. Не как ты любишь, Насть, на даче с комарами, а по-человечески.

— В Дубай! — выпалила Оля, и глаза её загорелись. — Пап, ну ты же обещал! Отель «Атлантис», аквапарк... И Вика сказала, что там сейчас скидки...

На кухне повисла тишина. Звонящая, мертвая тишина.

Оля осеклась, прикрыла рот ладонью. Глаза её испуганно метнулись от отца к матери. Максим пнул сестру под столом ногой, да так сильно, что стол качнулся.

— Какая Вика? — голос Насти был ровным, безжизненным. Как поверхность озера перед бурей.

Игорь поперхнулся компотом. Его лицо пошло красными пятнами — не то от стыда, не то от страха, что его комфортный мирок сейчас треснет.

— Э-э-э... — заблеял он. — Вика... Ну, Вика, администратор моя. Она просто тур искала... Помощница же. Хорошая девочка, исполнительная.

— Да, мам, — быстро затараторила Оля, пытаясь спасти положение. — Вика просто туры мониторит. Она в турфирме раньше работала. Папа просто попросил помочь!

Настя смотрела на дочь. В её глазах плескался страх, но не раскаяние. Оля боялась не того, что маме больно. Она боялась, что поездка сорвется.

— А-а-а, — протянула Настя, и губы её тронула ледяная улыбка. — Исполнительная девочка. Помощница. Понимаю. Конечно, Игорек. Дубай так Дубай. Заслужил. Ты ведь так много... работаешь.

Она встала из-за стола.

— Куда ты? — настороженно спросил Игорь. Ему явно не нравилось её спокойствие. Где истерика? Где битье тарелок? Почему она не орет?

— Голова болит, — солгала Настя. — Пойду прилягу. Гормоны, сам понимаешь. Старость.

Она вышла из кухни, чувствуя спиной их взгляды. Как только дверь за ней закрылась, она услышала громкий шепот Максима:

— Олька, ты дура? Чуть всё не спалила!

— Да ладно, — фыркнула дочь. — Она даже не поняла ничего. Ты же видел, она в своем мире. Ей главное, чтобы котлеты были пожарены. Мама — она же как мебель, удобная и глухая.

Настя зашла в спальню. Подошла к зеркалу. Из отражения на неё смотрела женщина с бледным лицом и глазами, в которых плескалась тьма.

— Мебель, говорите? — прошептала она своему отражению. — Хорошо. Только вы забыли, детки, что бывает антикварная мебель. Тяжелая. Из мореного дуба. И если такой шкаф упадет... от вас останется только мокрое место.

Она достала телефон. Набрала номер, который не использовала семь лет.

— Дмитрий Сергеевич? Добрый вечер. Это Анастасия Волкова. Да, та самая... Я по делу. Завтра утром мне нужно с вами встретиться. Да, это касается вашего предложения выкупить сеть моего мужа... Нет, не выкупить. Уничтожить.

Игра началась. И правила теперь устанавливала она.

Глава 3

Просыпаться рядом с мужчиной, которого ты мысленно уже похоронила, — то еще удовольствие. Это как обнаружить, что твой уютный старый диван на самом деле набит клопами.

Настя открыла глаза в шесть утра, за минуту до будильника. Рядом, раскинувшись на полкровати, храпел Игорь. Храпел он так же, как жил — самозабвенно, громко и совершенно не заботясь о комфорте окружающих. Из рта его несло перегаром вчерашнего «праздничного» ужина, смешанным с той самой приторной ванилью.

«Коктейль "Идиот"», — подумала Настя, аккуратно выбираясь из-под одеяла, чтобы не разбудить это тело. Ей меньше всего хотелось сейчас слушать его утренние оправдания или, не дай бог, попытки «загладить вину» супружеским долгом, который он исполнял с грацией сломанного отбойного молотка.

Она прошла в ванную, заперла дверь на задвижку. Впервые за много лет. Раньше их ванная была проходным двором: Игорь мог вломиться, пока она в душе, чтобы взять бритву, дети — чтобы спросить, где чистые носки. Личное пространство мамы? Не слышали.

Настя включила холодную воду. Умылась. Посмотрела на себя в зеркало.

Вчерашняя истерика (внутренняя, конечно, внешне она держала лицо) оставила следы: глаза припухли, морщинки вокруг них стали резче.

— Ну здравствуй, «старая перечница», — сказала она своему отражению. — Выглядишь так, будто тебя переехал каток семейного счастья.

Но в глубине зрачков, там, где последние годы плескалась только усталость и смирение, теперь горел холодный, злой огонек. Это был взгляд не жертвы. Это был взгляд хищника, который слишком долго питался травой, а теперь почуял кровь.

Настя открыла шкафчик с косметикой. Обычно ее макияж занимал пять минут: тон, тушь, гигиеническая помада. Чтобы не выделяться. Чтобы быть удобным фоном для блистательного Игоря.

Сегодня она достала из глубины ящика алую помаду. Купила ее три года назад, в порыве необъяснимого бунта, но так ни разу и не накрасилась. «Куда мне, засмеют», — думала тогда.

Сегодня она нанесла её медленно, аккуратно, как индеец наносит боевую раскраску перед выходом на тропу войны.

Следующий этап — гардероб. Настя распахнула дверцы шкафа. С одной стороны висели яркие рубашки и дорогие костюмы Игоря (купленные, разумеется, с доходов от бизнеса, который она спасла). С другой — ее унылый ряд: бежевые кардиганы, удобные джинсы, серые платья «и в пир, и в мир, и в поликлинику».

«Одежда женщины, которая поставила на себе крест», — констатировала Настя.

Её рука потянулась в самый дальний угол, туда, где в чехле висел «призрак прошлого». Темно-синий брючный костюм Hugo Boss. Она купила его пятнадцать лет назад, на первую серьезную прибыль от кофейни. Тогда она была не «Игорьковой женой», а Анастасией Павловой, женщиной, которая могла взглядом заморозить нерадивого поставщика.

Она сняла чехол. Ткань пахла лавандовым саше и забытыми амбициями.

Настя влезла в брюки. Застегнула молнию. Надо же, сидит идеально. Хоть в чем-то стресс последних месяцев пошел на пользу — она скинула пару килограммов.

Она надела жакет, посмотрела в ростовое зеркало. Бежевый кардиган исчез. Перед ней стояла женщина, с которой опасно шутить. Женщина, которая знает цену деньгам и предательству.

— Ну что, Настя, — подмигнула она себе. — Пора провести аудит этого убыточного предприятия под названием «Семья Волковых». И начать процедуру банкротства.

На кухню она вышла в семь тридцать. Игорь уже сидел за столом, в одних трусах, почесывая волосатую грудь и тупя взгляд в телефон. Вид у него был помятый, как у вчерашней газеты, в которую заворачивали рыбу.

Услышав шаги, он, не поднимая головы, буркнул:

— Насть, кофе сделай. И там где-то мои сигареты были...

Настя прошла мимо него к кофемашине. Стук ее каблучков по плитке прозвучал как автоматная очередь в утренней тишине.

Игорь наконец оторвался от экрана. Его заспанные глаза расширились. Он несколько секунд моргал, пытаясь сопоставить привычный образ жены-домработницы с тем, что он видел сейчас.

— Э-э-э... — выдавил он. — Ты куда это намылилась? В налоговую, что ли?

Его взгляд метнулся по её фигуре, задержался на алых губах. В этом взгляде не было восхищения, только недоумение и смутная тревога. Так смотрит хозяин, когда его старая, послушная собака вдруг скалит зубы.

Настя нажала кнопку «эспresso».

— У меня дела, Игорь.

— Какие дела в такую рань? — он нахмурился, начиная раздражаться. — И вообще, что за маскарад? Ты забыла, что сегодня должны приехать мастера чинить посудомойку? Кто их встретит?

Настя взяла чашку с готовым кофе. Повернулась к мужу.

— Твоя помощница встретит, — сказала она ледяным тоном. — Она же у нас такая исполнительная. Пусть тренируется вести хозяйство.

— Какая помощница? Вика? — Игорь окончательно потерял нить разговора. — Насть, ты чего, перегрелась? Причем тут Вика и наша посудомойка?

— Притом, Игорёк, — Настя сделала маленький глоток, наслаждаясь горечью. — Что я слагаю с себя полномочия генерального директора по обслуживанию твоей задницы. Фирма закрывается на переучет.

Она поставила недопитую чашку на стол перед ним, взяла сумочку и ключи от машины.

— Кофе сам себе сделаешь. Кнопки ты нажимать умеешь, я видела.

Она вышла из квартиры, оставив Игоря сидеть с открытым ртом посреди кухни, в трусах и полном непонимании того, что только что произошло.

В лифте она проверила телефон. Сообщение от Дмитрия: *«Жду в "Марио" в 8:30. Надеюсь, ваш боевой настрой не испарился за ночь».*

Настя усмехнулась. Испарился? О нет. Он только настоялся и стал крепче, как хороший яд.

Глава 4

Вырвавшись из душного подъезда на свежий воздух, Настя первым делом глубоко вздохнула. Воздух пах бензином и мокрым асфальтом, но после атмосферы квартиры, пропитанной ложью и перегаром Игоря, этот запах казался ей ароматом свободы.

Она села в свой кроссовер. Руки слегка дрожали — адреналин после стычки на кухне начал отпускать, уступая место холодной пустоте. Ей нужно было заземлиться. Срочно. Ей нужен был голос человека, который помнит её не как «удобную жену Игоря», а как Настюху-Армагеддон.

Она нажала на кнопку быстрого набора. «Любовь моя» — так была записана Любка в её телефоне.

Гудок прошел ровно один.

— Волкова! Не прошло и полгода! — в динамике раздался голос, по мощности сравнимый с сиреной воздушной тревоги, только радостной. — Я уж думала, тебя твой «кофейный барон» окончательно в рабство продал! Где пропадала?

Настя невольно улыбнулась. Люба была её полной противоположностью. Громкая, яркая, трижды разведенная («Я не развожусь, Настя, я оптимизирую личный состав!»), владелица самого скандального ивент-агентства в городе. Люба никогда не унывала, носила мини в сорок пять и считала, что любая проблема решается либо хорошим сексом, либо хорошим скандалом, либо хорошим адвокатом.

— Привет, Люб, — голос Насти прозвучал тише, чем она хотела. — Я не в рабстве. Я... я увольняюсь.

На том конце провода повисла тишина. Секундная, но для Любы это была вечность.

— Так, — тон подруги мгновенно сменился с базарно-веселого на деловой, стальной. — Где ты? Что случилось? Этот лысеющий Казанова тебя ударил? Если да, я выезжаю. У меня в багажнике бита с прошлого корпоратива осталась и, кажется, лопата.

Настя рассмеялась. Впервые за два дня искренне, до слез в уголках глаз.

— Нет, Люб, не ударил. Физически нет. Он просто... он завел себе «котенка». Двадцатидвухлетнего администратора Вику. И планирует списать меня в утиль, как только переоформирует активы. А дети... дети в курсе и просто ждут, когда папа оплатит им путевки за хорошее поведение.

— Ах ты ж божья тварь! — рывкнула Люба так, что динамик захрипел. — Вот же гнида плешивая! «Котенка» он завел! Да у него же на полшестого уже лет пять, судя по твоему кислому лицу! Чем он там этого котенка радуется, рассказами о своем радикулите?!

Люба фонтанировала праведным гневом. Она ругалась виртуозно, смешивая матерные конструкции с высокопарными оскорблениями. Настя слушала этот поток, и ей становилось легче. Словно Люба своей энергией выжигала из неё остатки жалости к себе.

— Настя, слушай меня внимательно, — Люба наконец выдохнула. — Ты сейчас где?

— Еду на встречу. С Дмитрием... ну, помнишь, ресторатор, конкурент Игоря.

— О-о-о! — многозначительно протянула Люба. — Димочка? Красивый, богатый и не женат? Волкова, ты не теряешься! Это свидание?

— Это деловая встреча, Люба. Я хочу... я хочу, чтобы он помог мне уничтожить бизнес Игоря. Я сама его построила, сама и разрушу.

— Господи, — театрально всхлипнула Люба. — Моя девочка вернулась! Я узнаю этот металл в голосе! Наконец-то! Аллилуйя! Ты вспомнила, что у тебя есть яйца, и они крепче, чем у твоего благоверного!

— Люб, мне страшно, — призналась Настя, сворачивая к центру города. — Я пятнадцать лет варила борщи. Я боюсь, что не потяну.

— Цыц! — отрезала подруга. — Отставить панику! Ты — Анастасия Волкова. Ты в универе преподав до инфаркта доводила своими знаниями. Ты из Игоря, этого куска... недоразумения, сделала человека! Ты всё потянешь. А чего не потянешь — я подтолкну.

Послышался звук, будто Люба что-то быстро печатает на клавиатуре.

— Короче, план такой. Ты сейчас едешь к Диме и включаешь свою внутреннюю «железную леди». Костюм надела? Тот самый, счастливый?

— Надела. И помаду красную.

— Умница! Значит так. Ты его очаровываешь и договариваешься. А я пока подниму свои связи. У меня есть девочки в налоговой, есть мальчики в санэпидемстанции... Мы этой «Лаборатории вкуса» устроим такую «сладкую жизнь», что у него кофе в зернах обратно в ягоды превратится от страха.

Настя подъехала к ресторану «Марио». Парковщик услужливо открыл дверь.

— Спасибо, Люб, — сказала она, выходя из машины и расправляя плечи. — Ты настоящая.

— Я не настоящая, я дорогая и эксклюзивная, — хмыкнула Люба. — Всё, иди. Порви их там всех. И позвони сразу после встречи! Если Дима окажется козлом, мы и его закопаем, опыт есть. Целую в десны!

Настя повесила трубку. Внутри больше не было пустоты. Там клокотала Любина энергия, смешанная с её собственной решимостью.

Она посмотрела на витрину ресторана. В отражении она увидела не брошенную жену, а шикарную женщину в дорогом костюме, готовую к серьезной игре.

«Ну, Игорёк, — подумала она, направляясь ко входу. — Ты хотел "огня"? Кажется, я только что плеснула в него бензина».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.